

БАБУШКИНСКИЙ РАЙОН

Д. Свертнево.

Часовня Николая Чудотворца

Часовня св. Николая Чудотворца – деревянная, на каменном фундаменте, построена в конце XIX – начале XX века.

В 30-е годы сняли колокол. По воспоминаниям старожилов – колокол спливали два дня.

В помещении часовни некоторое время был магазин, где торговали мукой и хлебом.

Сегодня свободного доступа в часовню нет, окна заколочены.

Д. Кокшарка. Часовня

Часовня срублена в конце XIX века жителями деревни, скорее всего «по обету».

Здание перекрыто четырехскатной кровлей, с венчающей ее приземистой главкой.

В настоящее время полуразрушена.

Д. Васильево.

Церковь Воскресения Христова

Церковь имела пять глав, на колокольне было двенадцать колоколов. При церкви было создано приходское попечительство.

Закрота церковь в 1929–1931 годах, но в первоизданном, неразрушенном виде простояла до середины 40-х годов. В начале 50-х годов с колокольни сняты все колокола. В 1997 году церковь горела: крыша обрушилась, кирпичные стены дали глубокие трещины.

Д. Андреевская.

Церковь Воскресения

Церковь в память Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме построена на средства жителей местного прихода в конце XVIII века.

На сегодняшний день находится в полуразрушенном состоянии.

С. Лодгуз.

Часовня Косьмы и Дамиана.

Посреди села Лодгуз, на развилке дорог стоит деревянная церковь Косьмы и Дамиана. Построена она была в 1880 году. Церковь ставилась без применения пилы и металлических гвоздей. Среди народных мастеров-плотников бытовало поверье, что дерево, обработанное одним топором и скрепленное деревянными гвоздями, сохранится намного дольше.

Такие маленькие деревянные церкви очень любил простой народ. Приходя в большой каменный храм, видя высокие расписные своды, пол, выложенный мозаикой, – крестьянин терялся, а в небольшой деревянной церкви прихожанин попадал в обстановку обыкновенной крестьянской избы: низкие притолоки дверей, деревянные лавки вдоль стен, маленькие окна...

Церковь Косьмы и Дамиана, пережив все невзгоды и преобразования, выстояла и сохранила свою былую красоту и величие.

На сегодняшний день храм находится в аварийном состоянии.

Есть надежда, что памятник будет восстановлен.

Виктор Подгорный

Первый этап этого проекта автор взял на себя и отдал ему двадцать лет своей жизни.

Впереди этап второй – подготовка системного каталога в виде альбома и сбор средств на него.

А пока стараниями Виктора Подгорного пусть эти живописно-графические образы храмов (в большинстве своем разрушенные временем и людьми до основания) напоминают нам, ныне живущим, о недалеком прошлом родной земли, а потомкам нашим осветят путь в Будущее и помогут им строить его в светлом, целостном и нерушимом единстве с Природой, Космосом, Богом.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Д. Пожарище.

Церковь Воскресения Христова

В деревне Пожарище стояли две каменные церкви.

В 30-е годы священник отец Иоанн, уроженец Пожарища, репрессирован, церкви закрыты. В 1935-1936 годах в летнюю церковь ссыпали зерно, картофель, комбикорма. В зимней церкви был устроен клуб. Кирпичную ограду разобрали. В церковной сторожке до войны 1941-1945 годов была изба-читальня, в войну – бесплатная столовая для многодетных. Уже в послевоенный период зимнюю церковь разобрали на кирпич для хозяйственных целей. Храмовые иконы приспособляли под полки для книг в клубной библиотеке.

В настоящее время сохранилась холодная Воскресенская церковь.

Кладбище, расположенное рядом, полностью исчезло, территорию распахали трактором.

Предпринимаются попытки восстановления работ Воскресенской церкви.

С. Великий Двор.

Церковь Михаила Архангела.

Храм построен «тщанием прихожан» в 1796 – 1809 гг. Архитектура его близка церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в слободе близ города Вологды.

Церковь представляет собой двухсветную ротонду, завершенную куполом и восьмигранным барабаном с главкой. Постройки такого типа были уже довольно редкими для русской провинции на рубеже XVIII – XIX веков.

На сегодняшний день церковь стоит в полуразрушенном состоянии.

Имя для меня совершенно новое, поэтому тем более интересное. Но интерес интересу рознь...

Читатель всегда ждет от поэта новых открытий – тематических, жанровых, стилистических, интонационных, словесных и др.

Но вот я читаю «Кипарис» Андрея Ивановича Шонина:

«Где беззаботною толпой
Резвится нимф младое племя,
Там он проворною рукой
Сразил любимого оленя
И замер в чаре. Аполлон
Его молитву принимает.
Главу венком со всех сторон
Листвой зеленой одевает...» и т.д.

Все это так называемые реминисценции. Это не свое, это заемное: тема, слова, ритмика – все из прошлого века.

Тяготение автора к книжности просто поразительно. Одни названия стихотворений чего стоят. Беру наугад: «Титаны», «Персей», «Нарцисс», «Тантал», «Сизиф», «Гибель Орфея», «Пандора», «Икар», «Нить Ариадны», и так до бесконечности.

Виктор Коротаев

ПРИТЧИ АНДРЕЯ ШОНИНА

Что это? Стихотворные переложения мифологических легенд? Желание показать эрудицию и свое пристрастие к необычному и звучному миру? Стремление удивить непосвященного своими уникальными познаниями? Трудно объяснить...

Проще сказать другое: все это написано с разной степенью умения и эмоциональности. Есть удачные притчи, есть менее впечатляющие. Странно другое: неужели человеку, живущему в такое невыносимое время, безразлично все, что творится вокруг, и ему хочется забыть в раковину этих самых мифов, чтоб ничего не видеть и не слышать, а перебирать холодные, переливающиеся разными цветами камушки прошлого, которого он видеть не мог, а только читал о нем в книгах. Тогда меня поражает равнодушие к своим соотечественникам, невняти их боли. Неужто сердечная глухота и душевная черствость? Тогда о какой поэзии можно говорить вообще? Она ведь всегда и прежде всего была продуктом духа.

В это верить отказываюсь, т.е. в авторскую черствость.

Остается другой вариант: автору кажется, что именно мифы и достойны его пера. Но позвольте: а как же со вторичностью? Ведь все это было уже написано в стихах или прозе. И не однажды. Значит, перелев. Причем, может, в пятый, может, в десятый, а может, и в сотый раз. Есть ли смысл?

Более интересны и жизнеспособны басни. Но тоже много претензий к языку, к стилистике, к грамотности, наконец. Вот «Искра»:

«Мы все во власти неведенья...»

Автор для благозвучия и выравнивания строчки ставит ударение на третьем слоге, а ведь оно должно ставиться на втором слоге.

И таких примеров множество:

«Она в безмолвии замерла.

Тщетно малейшее движенье –

Ведь перед нею зеркала,

А в них его отображенье...»

В угоду ритмике в слове «тщетно» вместо первого слога ударение ставится на второй. Этому нет оправдания. Здесь дело припахивает элементарным незнанием языка.

Я не могу отказать автору в оригинальности некоторых стихов. Удачи есть, хотя и не столь частые.

Меня в данном случае не устраивает сам подход к творчеству. Он все-таки в изображении живой жизни, в своем на нее взгляде, в своем понимании мира, в котором живешь.

А никак не в бесконечном переложении уже известных и даже застывших до окаменелости и поэтому прописных истин.

Возможно, я и не прав. Но пока остаюсь при своем мнении.